5

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА г. Москва

29 МАЯ 1948

Великий русский революционер-демократ Виссарион Григорьевич Белинский

Сто лет прошло с тех пор, как перестало биться горячее, страстное сердце неистового Виссариона, великого русского революционера-демократа, критика-трибуна, одного из самых славных деятелей нашей отечественной истории и литературы.

За это время светлый образ не потускнел, не покрылся архивной пылью истории. Белинский близок и дорог нам, людям советской эпохи. С каждым годом его творческий облик раскрывается перед нами все глубже и ярче. Мы воспринимаем его, как верного друга, испытанного союзника в нашей сегодняшней борьбе за торжество идей коммунизма, за расцвет советской культуры.

Пламенный патриот, смелый противник всякого гнета и насилия над человеческой личностью, над миллионами тружеников, поборник общественного служения искусства, руководитель литературы, всю жизнь отстаивавший высокие принципы идейности, народности и реализма, — Белинский является нашим предшественником.

Именно так оценивал его значение Ленин.

В своей знаменитой работе «Что делать?», определяя задачи русского революционного движения и русской социал-демократической партии, Ленин писал:

«...Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»

В грозные дни 1941 года мудрый вождь советских народов И. В. Сталин поставил имя Белинского в ряд с величайшими деятелями, мыслителями и художниками русского народа, составляющими его гордость и бессмертную славу.

Имя Белинского неразрывно связано с народом, с его борьбой за свободу, с его лучшими чаяниями и надеждами. И поэтому оно так же бессмертно, как бессмертен народ, которому Белинский отдал всю свою жизнь до последнего дыхания.

БЫТЬ ГРАЖДАНИНОМ, СЫНОМ СВОЕГО ОБЩЕСТВА И ЭПОХИ

В своих работах Ленин с исчерпывающей ясностью определяет связь Белинского — революционного деятеля и критика с судьбами русской революции.

«Освободительное движение в России прошло три главные этапа, — читаем мы в ленинской работе «Из прошлого рабочей печати в России», — соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время».

Наметив эти три главных этапа, три исторических периода в развитии русской революции, Ленин так определяет место Белинского: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский».

Сознательная жизнь Белинского началась в годы тяжелой самодержавно-крепостнической реакции. Восстание декабристов 1825 года закончилось поражением. Вожди восстания были повешены, а участники — офицеры и солдаты — брошены на каторгу, в далекую Сибирь. Черные крылья реакции распростерлись над страной. Николай Палкин боялся малейшего проявления свободолюбивой мысли, зверски расправляясь со всеми, кто отказывался беспрекословно подчиняться царскому указу, полицейскому циркуляру.

«Мы живем в страшное время»,—писал Белинский.

Крепостническая Россия, по словам автора знаменитого «Письма к Гоголю», представляла собою «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек...»

Однако эпоха 30—40-х годов — эпоха гнета невиданно дикого и реакционного царизма, жестокой, кровавой расправы с лучшими сынами русского народа, безудержной и изуверской николаевской реакции — не была эпохой застоя, упадка, уныния. Гром пушек, раздавшийся на Сенатской площади, «разбудил целое поколение» (Герцен).

В 30-е годы, в пору тягчайшего самодержавно-полицейского гнета и произвола, усиливаются революционные, философские, теоретические искания. Кружки Станкевича, Герцена и Огарева, напряженная борьба западников и славянофилов, острые и бурные полемические схватки, споры о путях развития России, о средствах борьбы с николаевским режимом — все это так или иначе отражало рост русской общественной революционной мысли.

Жизнь Белинского, все его устремления и мысли нерасторжимо связаны с общественной жизнью его эпохи. «Свобода творчества, — писал критик, — легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями».

Все общественные вопросы эпохи 30 — 40-х годов сводились к одному главному вопросу — к борьбе с крепостным правом. Эта борьба стала делом всей жизни Белинского.

«В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века,— писал Ленин, — передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине **выстрадала** полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы».

Эти ленинские слова дают ключ к пониманию всего жизненного и творческого пути критика-революционера.

Сложными и трудными были его поиски «правильной революционной теории». Ища ответа на жгучие социальные вопросы эпохи, Белинский иногда ошибался, временно отклонялся от намеченного пути, но, смело и мужественно преодолевая ошибки, снова шел — вперед и вперед.

БЕЗЗАВЕТНОСТЬ ИСКАНИЙ

Белинский родился в 1811 году в семье флотского лекаря. Тяжелым, трагическим было его детство. С ранних лет он узнал «немолчный вопль нужды». Отец его был грубым и деспотичным человеком, который, как сам Белинский вспоминал позднее, «меня терпеть не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и ругал площадно — вечная ему память. Я в семействе был чужой».

Окончив Чембарское уездное училище и проучившись три года в Пензенской гимназии, юноша Белинский уезжает в 1829 году в Москву, где поступает на словесный факультет Московского университета.

Учась в университете, он создает свое первое крупное произведение — драму «Дмитрий Калинин». Ее главная, стержневая мысль — решительный, бескомпромиссно-резкий протест против крепостничества. Вся пьеса дышит жгучей ненавистью к крепостникам-помещикам.

Неудивительно, что эта мятежная пьеса ужаснула цензуру, назвавшую ее «безнравственной, позорящей честь университета». Вскоре автор «Дмитрия Калинина» был исключен из университета с формулировкой, представляющей собой непревзойденный образец полицейско-иезуитского ханжества, лицемерия и мракобесия — «исключить... по слабости здоровья и по ограниченности способностей».

Два года спустя, в 1834 году, в журнале «Молва» появилась первая крупная статья Белинского — «Литературные мечтания (Элегия в прозе)». Она поразила читателей горячим воодушевлением, глубиной и серьезностью мысли, широтой познаний молодого автора. Уже здесь критик намечает принципы реализма и народности литературы.

Однако, Белинский еще не выступает в эти годы, как революционер-демократ. Он еще наивно надеется, что постепенное распространение просвещения и цивилизации приведет русский народ к счастью. По своим философским взглядам молодой Белинский стоит на позициях идеализма. Он с увлечением читает работы немецких философов-идеалистов — Фихте, Шеллинга, позднее — Гегеля.

В трудах немецких философов его привлекла идея диалектического развития, к которой он и сам стихийно подходил. Однако, он с самого начала решительно преодолевает и отвергает консерватизм и филистерскую ограниченность немецких философов-идеалистов.

Но в течение некоторого времени (1837—1839) Белинский разделял гегелевское положение о «примирении с действительностью». Эта точка зрения нашла отражение в некоторых его работах этих лет — в статье «Менцель, критик Гете» и других.

Поворот в мировоззрении и творчестве Белинского к решительному и безоговорочному революционному отрицанию «гнусной действительности» был неизбежен. Он подсказывался всем ходом развития русской общественной жизни, русской революционной мысли; он был предопределен главной тенденцией всей деятельности Белинского — его устремлением к свободе, к революционной борьбе за счастье народа.

И Белинский решительно расправляется со своими прежними заблуждениями.

Он гневно обрушивается на Гегеля за его реакционные политические убеждения, с возмущением говорит о преклонении Гегеля перед прусскими порядками.

«...Подлецы, тираны человечества!—пишет он о прусском правительстве. — Член тройственного союза палачей свободы и разума. Вот тебе и Гегель!»

Решительно отвергнув гегелевскую идею «примирения противоположностей», Белинский смело и безоговорочно осуждает николаевский строй.

С огромной силой призывает он к **отрицанию существующей действительности, к революционной борьбе с ней,** зовет к деятельности во имя освобождения человека. Добиться освобождения человеческой личности можно не путем освобождения индивида, а **только путем революционного переустройства всего общества,** — вот вывод, к которому приходит Белинский, один из первых русских революционеров-демократов.

В 40-е годы Белинский прочно становится на позиции материализма и социализма, который стал для него «идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегой веры и знания».

Критик-революционер и демократ, Белинский разоблачает лозунг «искусство для искусства», ведет борьбу за литературу, связанную с общественными вопросами эпохи. Именно в этот период он закладывает основы той материалистической и демократической эстетики, которая будет унаследована и развита Чернышевским, Добролюбовым в 60-е годы.

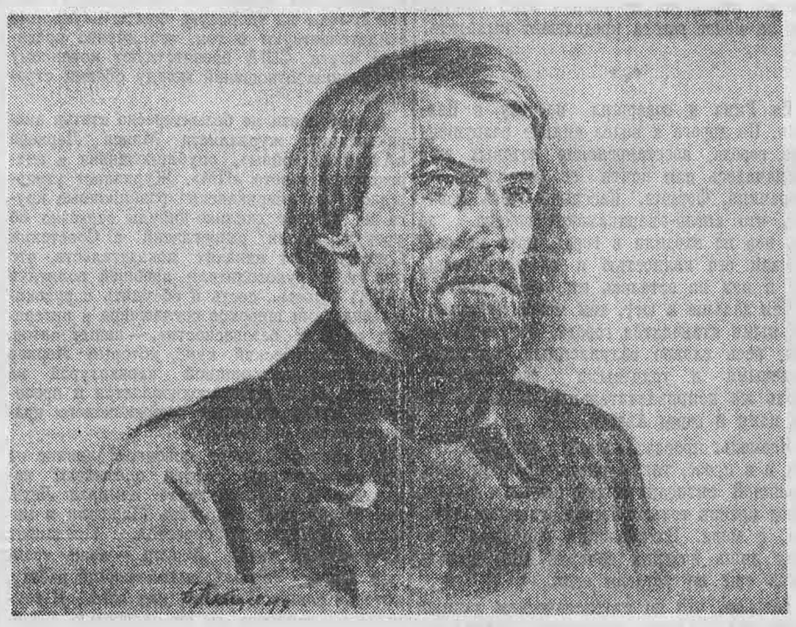

Рис. худ. Б. ЛЕБЕДЕВА.

В 1846 г. Белинский порывает с издателем «Отечественных записок» Краевским, безжалостно эксплоатировавшим его, и переходит в некрасовский «Современник», где печатает лучшие свои работы, знаменитые обзоры русской литературы за 1846 и 1847 годы.

В общественной, философской и литературной деятельности Белинского воплотились лучшие черты передовой русской национальной культуры — ее духовная самостоятельность, смелость, ее неповторимое своеобразие, предопределенное особыми конкретно-историческими условиями развития, ее неразрывная связь с общественно-политической жизнью страны, с народным освободительным движением, с лучшими чаяниями угнетенных масс.

Передовая русская общественная мысль превзошла и оставила далеко позади себя немецкую философию с ее идеалистической абстрактностью и метафизичностью, реакционностью, косностью, филистерской ограниченностью. Белинский — деятель и мыслитель был на голову выше не только немецких философов, но и французских социалистов-утопистов, потому что он прямо связывает вопрос о свободе и счастье человечества с идеей революционного преобразования жизни. Белинскому-революционеру претит дух буржуазной «добропорядочности» и «благонамеренности» английских экономистов.

ЭТО — ГЕНИАЛЬНАЯ ВЕЩЬ, ЗАВЕЩАНИЕ ЕГО

Итогом всего идейного и творческого пути, пройденного Белинским, явилось его знаменитое «Письмо к Гоголю».

Именно так определил Ленин значение этого величайшего документа русского освободительного движения.

«Его знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору», — писал Ленин в 1914 году.

Письмо Белинского было написано по поводу реакционной книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшей в 1847 году. В этой книге Гоголь, отрекаясь от своих прежних художественных произведений, выступил в роли проповедника, защитника крепостного права, самодержавия и религиозного мракобесия. Книга Гоголя вызвала глубокое негодование лучших представителей передовой русской общественной мысли.

Свое письмо к Гоголю Белинский пишет за границей, не стесненный царской цензурой. В этом письме он жестоко бичует Гоголя за то, что он, оказавшись во власти реакции, «во имя Христа и церкви учит варвара-помещика наживать от крестьян больше денег, ругая их **неумытыми рылами».**

Уничтожение крепостного права — вот главный вопрос времени, — утверждает критик.

Герцен, познакомившись впервые с письмом Белинского, сказал: «Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его».

Великий мыслитель выступил в этом своем завещании против самих **основ** существующего строя — против крепостного права, самодержавия, православной церкви.

Письмо Белинского возвещало о приближении новой волны революционно-освободительного движения. Оно может быть названо манифестом русской демократии.

В этом — секрет той огромной популярности, какую имело «Письмо» среди передовых деятелей, несмотря на строжайшие запреты, полицейские расправы и преследования. Не было уголка в России, где бы революционная молодежь не читала его с восторгом, не заучивала наизусть.

Однако, дни самого Белинского были сочтены.

Тяжелая болезнь (туберкулез), лишения, невылазная нужда, преследования и обыски жандармов, необходимость много писать, — все это надорвало его здоровье.

Один из друзей Белинского говорил в письме, относящемся к последним годам жизни великого критика:

«Белинский умирает с голоду и работает из куска хлеба. Доктора советуют отдохнуть,—но где средства, чем жить?»

26 мая (7 июня н. с.) 1848 года Белинского не стало.

Когда, годом спустя, было раскрыто дело петрашевцев, у которых было найдено «Письмо к Гоголю», шеф жандармов Дубельт выразил сожаление, что Белинский уже умер — «иначе бы мы его сгноили в крепости».

НАРОДНЫЙ ТРИБУН

Разоблачая реакционную, антинародную сущность сборника «Вехи», авторы которого выступили после разгрома русской революции 1905 года с ренегатскими статьями, где они отрекались от лучших революционных и демократических традиций русской истории и культуры, пытаясь свести их к «интеллигентским», как они презрительно выражались, настроениям, Ленин писал:

«Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения»... «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар»...

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»

В ленинской концепции русского освободительного движения нашли гениальное и неопровержимо убедительное об'яснение революционная сила, пафос Белинского, Чернышевского и Добролюбова, отразивших нарастающий протест народных масс против крепостнического произвола и капиталистического гнета.

В революционной борьбе за свободу народа Белинский выступал не только против крепостников-помещиков. Постепенно перед ним раскрывались во всем отвратительном цинизме гнойники капиталистического строя, бездушие и антинародность буржуазии.

Интересы народа и буржуазии прямо противоположны; капиталист — это существо, враждебное всему человеческому, — вот выводы, к которым подходит мыслитель.

«...Горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значит только возвышение или упадок фондов — далее этого они ни чего не видят».

Вопреки всему тому, что пытались приписать Белинскому буржуазно-либеральные критики, он решительно отвергал западноевропейский буржуазный порядок.

«Россия лучше сумеет, пожалуй, разрешить социальный вопрос и покончить с капитализмом и собственностью, чем Европа», — говорил он.

Однако, Белинский не мог подняться до уровня научного социализма. Живя в условиях самодержавно-крепостнической страны, он не видел еще реальных, конкретных путей от капитализма к социализму. Пролетариат в его представлении это только класс обездоленных, страдающих людей, а не решающая революционная сила.

Подобно Герцену, Белинский «не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах» (Ленин).

Белинский стремился к народу, звал его к революционному действию, но закрепощенный народ не шел дальше стихийных волнений и бунтов.

Великая революционная буря — движение самих масс — была еще впереди.

ЧЕМ БОЛЬШЕ ЖИВУ И ДУМАЮ, ТЕМ БОЛЬШЕ ЛЮБЛЮ РУСЬ

Замечательная особенность Белинского, как и его великих продолжателей — Чернышевского, Добролюбова, писателей-шестидесятников, состоит в том, что любовь к родине у них неразрывно связана с любовью к свободе, патриот и революционер неразделимы.

Белинский всей душой любил родной народ, почитая, по собственным его словам, «за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе».

Он не раз говорил в своих статьях о «хороших свойствах русского человека» — о «бодрости, смелости, находчивости, сметливости, переимчивости», об этой «отваге, этой удали, этом широком размете души... этой несокрушимой мощи и бодрости духа».

Он глубоко верил в великие творческие и созидательные возможности, заложенные в русском народе, указывая на исключительную разносторонность духовных интересов русского человека.

Он гордился героическими страницами прошлого России, когда она отстаивала свою свободу, честь и независимость в кровопролитной борьбе с чужеземными пришельцами.

Белинский любил свое отечество живой, горячей, деятельной любовью. Патриот-революционер, он беспощадно разоблачал лжепатриотизм славянофилов, их идеализацию патриархально-помещичьих отношений в России, защиту старых порядков и устоев.

Патриотизм Белинского решительно отвергал «мертвое довольство тем, что есть».

«Любить свою родину, — писал он, — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому. В противном случае, патриотизм будет китаизмом, который любит свое только за то, что оно свое, и ненавидит все чужое за то только, что оно чужое, и не нарадуется собственным безобразием и уродством».

Разоблачая консерватизм славянофилов, умилявшихся «кротостью», «незлобивостью», «многотерпеливостью» русского человека, Белинский с не меньшей яростью обрушивался на «западников», которые отрекались от русской культуры, русских освободительных традиций во имя куцых и узеньких «идеалов» европейской буржуазной «благонамеренности».

Белинский с любовью и уважением относился ко всему ценному, прогрессивному в сокровищнице мировой общественной и художественной мысли, но он никогда не менял своего русского революционного первородства на чечевичную похлебку буржуазной космополитической лжекультуры.

«Космополит, — писал он, — есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека».

Замечательные слова, которые не мешало бы напомнить иным современным поклонникам А. Н. Веселовского и прочим современным «западникам»-космополитам.

ЛИТЕРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ МОЯ ЖИЗНЬ И МОЯ КРОВЬ

Белинский утверждает общественную роль искусства.

«Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, — писал он,— потому что это значит — лишать его самой живой силы, то-есть мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев».

Это стало девизом писателей и критиков революционно-демократического лагеря.

Искусство не может отделить себя от судьбы народа, — утверждают Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Они разоблачают защитников так называемого «чистого искусства», которые, вольно или невольно, становились на антинародные позиции, оказывались прислужниками господствующих классов.

В лице Белинского слились воедино теоретик литературы и ее организатор, литературовед и критик. Поистине необ'ятна роль, сыгранная им в развитии нашей отечественной литературы.

«Белинскому, — писал Н. Шелгунов,— нужно было перечесть все, что написала и напечатала Россия в течение ста лет, каждому писателю определить его место, раз'яснить задачи искусства, покончить царивший в искусстве хаос понятий, уничтожить литературные суеверия, господство старых авторитетов и завоевать новому движению мысли то передовое место, которое у него оспаривали люди старых понятий».

О каком бы из современников ни писал критик, творчество каждого писателя он осмысливал исторически, в преемственной связи с предшествующей литературой. Поэтому у него не было, да и не могло быть того разделения, разрыва на «академическую науку» и «критику» — разрыва, который является печальным и, к сожалению, до сих пор еще не изжитым наследием буржуазно-либеральной школы.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский с полным основанием назвал Белинского первым **историком русской литературы.**

Определяя в своих критических статьях основные периоды русской литературы, ее магистральный путь, Белинский видит главную ее черту во все большем сближении с реальной действительностью, с миром народной жизни, во все более решительной и смелой критике самодержавно-крепостнического строя.

Значение Пушкина, раз'ясняет он, заключается в том, что в его лице русская литература, отказавшись от мертвых схем классицизма, от фальшивой слезливости сентиментализма и крайней суб'ективности романтизма, прочно встала на путь реализма и народности, на путь правдивого изображения жизни и последовательного отстаивания народных интересов.

В творчестве Гоголя и писателей так называемой «натуральной школы» революционер-демократ увидел новую ступень в развитии литературы, ее смелое обращение к жизни социальных низов, критику николаевской действительности.

Белинский был бережным и внимательным **наставником** русских писателей. Чуткий и отзывчивый на каждое верное слово, он всегда был беспощадно резким и гневным по отношению к тому, что стояло на пути передовой литературы, поборницы народных интересов.

Великий критик внимательно и напряженно следил за развитием литературы. Выход в свет новой хорошей книги, появление нового талантливого писателя было для него огромной **личной** радостью. По первым книгам Тургенева, Кольцова, Некрасова, Герцена, Гончарова он с гениальной прозорливостью определял зарождающуюся **тенденцию** творчества каждого из этих писателей.

Проникновенный и целеустремленный идейно-художественный анализ приводил его к раскрытию важных, существеннейших сторон мировоззрения и творчества художника. Белинский помогал писателю найти верную дорогу. Хорошо сказал об этом М. И Калинин в беседе с начинающими авторами:

«К примеру, Гоголь. Кто лучше понимал его творчество, он сам или Белинский? Я думаю, что Белинский лучше понимал творчество Гоголя, чем сам Гоголь».

Литературные образы не теряли под пером Белинского своего живого обаяния и неповторимой индивидуальности, но неизменно получали в его статьях как бы **второе рождение,** представая перед читателем еще более ясно обрисованными, еще более глубоко осознанными в широкой перспективе исторических путей родины, в свете больших философских идей. Так литературный образ обретал под вдохновенным пером Белинского новое идейно-художественное качество.

Образы Чацкого, Печорина, Онегина, Бориса Годунова, Чичикова, Адуева, нарисованные кистью замечательных художников, неразрывны в нашем сознании от того, как очертило их гениальное перо Белинского, наметив и выделив главные, определяющие линии.

Высокая идейность и принципиальность, не знающая никаких компромиссов и сделок со своей совестью, полная внутренняя убежденность в правоте отстаиваемых принципов, верность правде жизни, интересам народа, жаркая страсть и непримиримость к идейным противникам и отечески-любовное, бережное отношение ко всему, что есть и рождается в литературе нового, ценного, талантливого, — вот чему должны учиться у Белинского наши критики и литературоведы.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ БЕЛИНСКИЙ

Тяжелой была судьба неистового Виссариона. Он звал революцию, но ему не довелось увидеть народ поднявшимся на решительный штурм царизма и капитализма.

Великая очистительная буря Октября, прошумевшая над страной, принесла свободу и счастье миллионам угнетенных людей.

Революция освободила слово Белинского от запрета и преследований.

Враги Белинского, враги русского народа — царские палачи и насильники, полицейские жандармы и цензоры, эти тюремные надсмотрщики над литературой, черносотенцы и погромщики, рыцари либерального языкоблудия, — все они — одни тайно, другие явно — боялись и ненавидели Белинского.

Немало трудились либералы от литературоведения, эти лакеи буржуазии, над тем, чтобы заглушить страстную проповедь неистового Виссариона, обезвредить его жгучие статьи, звучавшие, как набатный призыв к действию. Пуще огня боялись они того, о чем мечтали великие писатели-демократы, боялись того времени, когда свободный русский народ «Белинского и Гоголя с базара понесет».

Ленин всегда без пощады и снисхождения разоблачал эти трусливые попытки либералов.

В своей работе «Еще один поход на демократию» Ленин писал:

«... Какое «беспокойство»! — воскликнула мнящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела **на деле** этот «народ», несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю».

Слово Белинского, освобожденное от царского запрета, от цензурных пренов и рогаток, от враждебных искажений и либеральных лжетолкований, слышно сегодня всему советскому народу, всему миру.

***

«... Беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы», — писал В. И. Ленин.

Советский народ, идущий под великим знаменем Ленина—Сталина к коммунизму, вспоминает сегодня с великой любовью и благодарностью своего замечательного предшественника и боевого союзника—Виссариона Григорьевича Белинского.

Партия большевиков всегда подчеркивала огромное значение наследства революционеров-демократов.

В своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» А. А. Жданов говорил: «Известно, что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследства прошлого. В области литературы наша партия устами Ленина и Сталина неоднократно признавала огромное значение великих русских революционно-демократических писателей и критиков — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Плеханова».

Великое наследство русских революционеров-демократов — в надежных, крепких руках большевиков, всего советского народа.